

Клюева Александра Александровна. (1917-2014).

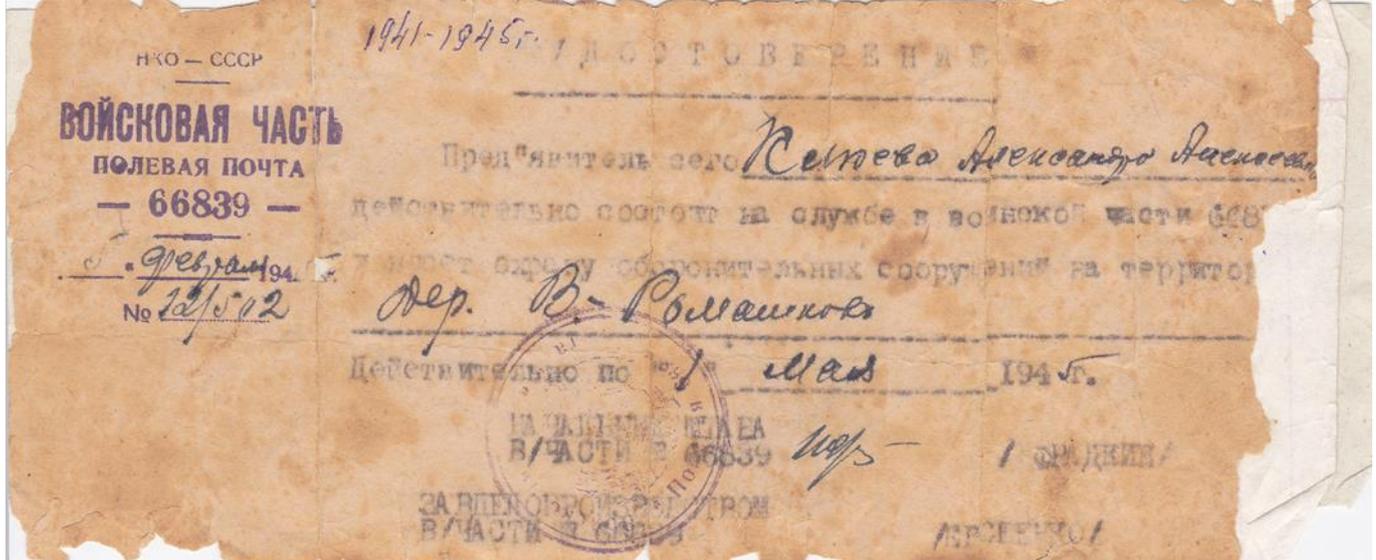
В Ромашково на улице Центральной, в 2014г. в возрасте 97 лет жила самая старейшая жительница с. Ромашково и соседнего пос. Немчиновки Клюева Александра Александровна. Родилась она в Ромашково 11 марта 1917 г.р., в крестьянской семье Алексея Николаевича (??-1934) и Ольги Павловны (1878-??). По воспоминаниям Александры Александровны отец был старостой Никольского храма до своего ареста в 1932 году. Имел кроме жены на иждивении 8 человек детей и свекровь. Был раскулачен: имел 2 лошади (одна праздничная, и одна рабочая), свинью, овец, кур, 30 соток земли и ещё часть земли арендовал. Занимался кустарным промыслом. Брал заготовки на Старом Арбате и семья клеила пакеты, коробки, сколачивала ящики, готовый материал на возе доставлялся на Сивцев Вражек. Трудились все от зари до зари. После раскулачивания отца включили в колхоз и назначили конюхом. За всеми согнанными лошадьми раскулаченных в деревне усмотреть было нельзя, не было ни места для них, ни

кормов, лошади «запаршивели» и отца объявили вредителем, сослали на год за Можайск в Уваровку. Там он работал на местном молокозаводе, и за ударный труд ему дали направление на московский молокозавод. Для работы надо было прописаться дома, а дома в администрации велели отправляться «за 101 км». Однако, пообещали пересмотреть его дело с возможностью прописки. От переживаний отец скончался, а вечером того же дня из администрации вдруг сами чиновники принесли домой паспорт с его пропиской в Ромашково... Похоронен на Ромашковском кладбище.

Жизнь у Александры Александровны была тяжелая, трудовая, денег не было, как и у всех. Однажды она чтобы поправить развалившуюся завалинку дома отправилась с подружкой, у которой была такая же проблема, в лес нарубить жердей для завалинки. И когда последний девятый ствол был подрублен, появился лесник. Их с подружкой судили. Пришлось заплатить штраф 90 рублей, по 10 рублей за каждый корень, - это были очень большие деньги.

До войны работала на фабрике «Дукат», одновременно набивала табаком сигареты на трех станках. Работать любила всегда, с охотой всегда и всех подменяла, безотказно шла на любую работу спокойно и с радостью, - все равно где трудиться. И никогда, просто никогда, не ходила в отпуск и не понимала, зачем это, и что в нем делают?!

Во время войны по указанию нового председателя сельсовета Ларченко Александры Карниловны её, вместе с Гундаровой Елизаветой Васильевной назначили охранять окопы, о чем свидетельствует справка из воинской части № 12/502 от 05.02.1945г. «Предъявитель сего, Клюева Александра Алексеевна действительно состоит на службе в воинской части 66839, и несет охрану оборонительных сооружений на территории Ромашково с 1941 по 1945гг. Подписи: начальник в/ч Фрадкин и Заведующий делопроизводством в/ч 66839 Еременко. Справка действительна до 01 мая 1945г.»

Во время войны с осени 1941 и до конца войны, её главной работой была охрана окопов и двух блиндажей в Ромашково, которые не относились к системе ПВО, расположенной в селе и вокруг него. Ежедневно, чередуясь с напарницей, они обязаны были обходить больше десятка километров оборонительных сооружений вокруг Ромашково и два блиндажа: их воинской обязанностью было, чтобы всё всегда было в готовности: главное, чтобы земля в окопах не обрушилась и в них не стояла вода.

Начинали осмотр окопов от окружного моста (ныне от МКАД). Далее шел самый «тяжелый» кирпичный блиндаж - справа от начала моста через Чаченку (платная дорога) на холме у южного окончания нового кладбища (в районе одного из бывших горнолыжных подъемников). В этом блиндаже всегда скапливалось много воды, которую постоянно надо было откачивать ведрами.

Другой блиндаж находился на холме под больницей и назывался семинакатный, т.е. стены состояли в семи бревен в накат. В конце больничного холма, справа (под новым 3-х эт.котеджем), находился пулеметный стакан. Окопы шли за лесничеством в сторону Рублевки, а потом вдоль железной дороги. В лесу, рядом с окопами был устроен лесоповал: также за лесничеством и вдоль Ж/Д. Лес не жалели, полосы были широкие. После войны Александра Алексеевна под расписку сдавала свое «богатство»: два блиндажа и 39 противотанковых ежей, размещенных за лесничеством и у «белобородовских» дач. Проверки состояния окопов и блиндажей руководство части проводило в течение всей войны и в основном ночью. Строгий начальник шумел: «если двери в блиндажах взломают, или оторвут хоть одну, хоть где-нибудь доску: в блиндаже или в окопе - пристрелю». Вот так и бегали вдвоем по очереди, каждый день всю войну, подменяя друг-друга. А когда вопрос встал о правах и льготах, то Александру Алексеевну и Елизавету Васильевну не признали участниками обороны Москвы, несмотря на справку воинской части, а только тружениками тыла, и пенсии не прибавили. Хотя она и не унывающий по жизни человек с большим чувством юмора, но все-таки всплакнула, когда показала справку из воинской части, - требовали то с женщин по военной строгости.

Александра Васильевна и её ближайшие соседи, вспоминают, что за домом Александры Алексеевны сохранился до сих пор, который в конце 80-х начале 90-х снимала летом мать Владимира Высоцкого Нина Максимовна, которая пережила сына и скончалась 9 сентября 2003 года. Александра Алексеевна отзывалась о ней, как о доброй милой женщине, она все время старалась находиться на воздухе, любила гулять по окрестным лесам и полям. По вечерам они часто вместе в саду распивали чай, рассказывали друг другу о жизни. Они почти ровесницы: Нина Максимовна с 1912г, Александра Алексеевна с 1917. Нина Максимовна рассказывала как много и долго лечила в детстве постоянно болеющего ангиной сына, даже делали ему какую-то мини операцию. Из-за хронической ангины появилась хрипота в голосе.

А попала Нина Максимовна в этот сарайчик «по-соседству». Действительно, в начале-середине 1980-х годов на ул. Центральной снимали на лето у Федоровой Марии Петровны небольшую комнатку с террасой две женщины, помнится жителям, что кажется, одну звали Наталья или Ольга, а вторую Катерина, где иногда собирались московские барды. Бывал там наездами и Булат Шалвович Окуджава, творчество которого очень высоко ценил Владимир Высоцкий. Приезжала туда в гости и мама Владимира Высоцкого Нина Максимовна. Ей полюбили это место, и через какое-то время она сняла по соседству через забор, у Клюевой Александры Алексеевны за её домом, «дачу» - маленький сарайчик с небольшим окошком. Два или три года она проводила там лето. Спала на раскладушке, готовила на керосинке, ходила за водой на колонку, наслаждалась чаепитием на улице и прогулками

по живописным окрестностям села.

Всегда с удовольствием соглашалась попить чая и с местными соседками, была очень милой собеседницей - «мировой теткой»! Однажды хозяйка сарайчика Александра Алексеевна побывала в гостях у Нины Максимовны на квартире в Москве, где произошел с Александрой Алексеевной небольшой конфуз: Нина Максимовна диковинку - полностью стеклянный чайник, поставила на открытый огонь газовой плиты. Говорят, сильно досталось Нине

Максимовне за «нерасторопность» от едкой на слово сельской гостьи, пока та не поняла, что чайник необычный – огнеупорный, привезен Володей из-за границы. Очень грозным было на все случаи жизни её ругательство - «Да, язва Сибирская!»... Вообще вся речь Александры Алексеевны постоянно сопровождалась массой шуток, неслыханных прибауток, пословиц. Может быть поэтому Нине Максимовне были дороги ромашковские посиделки с простой маленькой, но такой жизнестойкой женщиной. Александра Алексеевна хранила свою фотографию с коромыслом на фоне этой дачи-сарайчика, которую сделала сама Нина Максимовна себе на память, фотоаппаратом, подаренным Володей.

Нину Максимовну в Ромашково помнят как очень скромного, доброго, интеллигентного человека. Когда кто-то из соседей пытался угостить её своими фруктами или овощами, она всегда старалась дать денег, и как ни избегали её благодарности, все-равно в основном уходили с вознаграждением. Помнят, что она очень любила рассказывать о сыне, о его любви к ней; в каких бы уголках страны он ни бывал, он всегда старался ей позвонить. Говорила, что хриплость в его голосе появилась от частых заболеваний в детстве ангиной. Любила показывать семейные альбомы, в которых с любовью хранила детские фотографии сына, внуков, говорила: «Дружу со всеми снохами, а если не дружить, то можно сына потерять».

В последствии, Нина Максимовна стала просто приезжать из Москвы на лесные прогулки в Ромашково. В своей книге Владимир Перевозчиков «Неизвестный Высоцкий» вспоминает о своей встрече с Ниной Максимовной в январе 1987 года в знаменитой квартире на Малой Грузинской улице, где обсуждался вопрос, почему у Высоцких не было своей дачи. Нина Максимовна, так заканчивает свою мысль на эту тему: «Мне надо погулять на природе, – я в Ромашково поеду и погуляю...».

Нина Максимовна скончалась в сентябре 2003-го на 92 году жизни. Александра Алексеевна ездила на её похороны и до сего дня хранит некролог, напечатанный на второй день после кончины Высоцкой в газете «Мир новостей». Сокрушается, что единственная фотография на память о Нине Максимовне

и

та

из

газеты.

Он говорил мне: "Мамочка, слушай..."

В субботу рано утром в одной из столичных больниц скончалась мать Владимира Высоцкого Нина Максимовна. Небеса отпустили ей долгий век земной юности - 91 год. Ее сын ушел из жизни в 42. Кажется - великая несправедливость природы. И так, и нет. С судьбой не поспоришь - каждому свое. Но матери, простившиеся со своими детьми, непреодолимой силой притягивают к себе современников: в прародителях видится начало начал великой биографии, ее истоки, ее урок для человечества.

Я был дружен с Ниной Максимовной с осени 80-го, и мой журналистский блокнот пополнялся воспоминаниями мамы о сыне. Вот фрагменты из них.

"Когда Володя родился, мы жили против Рижского вокзала,

на Первой Мещанской. Нынче это проспект Мира. Сын рано начал говорить и рос очень занятным мальчиком. Первой его фразой, которую он произнес, стоя вечером на крыльце дачи, была: "Вон она, луна". К двум годам он знал много стихов и довольно выразительно их читал. В июле 1941 года немцы начали бомбить Москву, мы с сыном спустились в убежище. Там он находил место повыше и читал стихи, громко, уверенно, что-нибудь типа этого: "Товарищ Ворошилов, в нынешний год в Красную Армию брат мой идет..." Однажды после такого "выступления" ко мне подошел пожилой мужчина, тихо сказал: "Спасибо за сына" и поцеловал мне руку.

Вскоре мы поехали с Володией в Бузулук Оренбургской области

и вместе пережили все трудности эвакуации. Жили в селе, и когда я приносила сыну чашку молока, он делился ею с другими детьми. "У них здесь нет мамы, им никто не поможет", - совсем понимающе говорил он. Меня часто спрашивают, откуда у сына такое знание военной жизни. А он узнавал войну шести-семилетним мальчиком в длинных переездах в товарных вагонах, в изможденных лицах раненых солдат, в недосягаемости бомбежек. Ну и конечно же он понимал, что его папа военный, что он защищал Москву, штурмовал Берлин.

Из всех его песен, а их сотни, я больше всего люблю "Охоту на волков". Кстати, когда она родилась, помню, Евгений Евтушенко прислал с Севера, где

он гостил у моряков, телеграмму: "Слушал твою песню двадцать раз подряд. Становлюсь перед тобой на колени". Все Володиные песни - это продолжение его жизни. Он часто прихо-

дил ко мне ночью и говел "Мама, послушай, я песню писал". И я была первой слышавшей. Потом он стал только что рожденные п Марине Влади по телефону, нил ей в Париж, и когда пр дили больше счета за нот концерты, Володя успокаив "Мамочка, деньги мы для те зарабатываем, чтобы их трати

Н.М. Высоцкая по специальности переводчик, в последние годы работала чальником бюро научно-технической документации в НИИ: маша. После смерти единственного сына помогала театру Таганке, Фонду В. Высоцкого общественным организациям литераторам, журналистам, занимавшимся изучением жизни творчества своего великого сына. На момент подписания номера печать еще не было известна, как поместить в Москве бю похоронена Н.М. Высоцкая. нечно же по всем меркам лед бы ей рядом с сыном. Но и на это Божья.

Феликс Медвед